

Дело о Деревне Девяти Семей наконец-то было закрыто. Главаря банды, Лю Чжэна, и его ближайших приспешников предали мучительной казни — линьчи, остальных же, чья вина была не столь велика, просто обезглавили. В день казни на площади собралась едва ли не все жители деревни. Они смотрели на палачей во все глаза, но долгожданное возмездие не принесло им облегчения. Вкус мести оказался горьким и пресным — ведь мертвых уже не вернуть. По указу императора в деревню отправили монахов из Храма Защиты Государства, чтобы те отчитали молитвы по невинно убиенным душам. Крестьяне молились вместе с ними, развешивая на въезде в селение обереги и талисманы, в тайной надежде, что подобные ужасы никогда больше не постучатся в их двери.

Что до Лян Юй и остальных причастных, император и Министерство юстиции долго взвешивали их вину. В итоге Гао Ли и Ян Сяочуаня отправили в ссылку на каторгу в действующую армию. Жуань Цин добровольно приняла постриг, и государь милостиво позволил ей уйти в монастырь. Сама же Лян Юй отделалась лишь двадцатью ударами палок. Говорили, что палачи били вполсилы — слишком уж много добра она сделала за эти годы. Купчиха слыла благодетельницей: давала работу бродягам, пристраивала сирот, и в столице её уважали. Видимо, судьба и впрямь вознаграждает тех, кто умеет сострадать.

Лян Юй взялась за перестройку усадьбы Ли Фугуя. Она решила собрать под одной крышей ещё больше беспризорных детей, а в самой Деревне Девяти Семей основать школу, чтобы дать мальчишкам шанс на лучшую жизнь. Многие горожане вызывались помочь ей задаром. Пожалуй, лучшего исхода и желать было нельзя.

Ловцы развешивали по улицам указы о завершении дела, а Чу Фэй, глядя на довольные лица прохожих, чувствовал, как с души наконец-то спадает тяжёлый груз. Зло было наказано, добро восторжествовало, но тень печали всё ещё преследовала его. Погибшую Гао Юйянь нашли в виде иссохшей мумии; Лян Юй устроила ей достойные похороны. Семья Лю, в свою очередь, продала «Картину парящей небожительницы», а вырученные деньги передала на строительство той самой школы.

Жун Жо, шагавший рядом с Чу Фэем, заметил его задумчивость.

— Старший брат Чу, почему ты кажешься таким печальным?

Чу Фэй криво усмехнулся:

— Всего нет. Просто нахлынуло... Исход дела хорош, не спорю. Но в сердце всё равно остался какой-то странный, горький осадок.

— Тебе жаль тех несчастных, которых принесли в жертву под видом «Посланников Небес»? — Жун Жо мягко посмотрел на него. — По словам Лю Чжэна, эти кровавые ритуалы начались всего двадцать лет назад. Чжоу Чжаотан и остальные придумали их, чтобы держать деревню в страхе и править там, как маленькие царьки. Раньше-то в жертву приносили только скот. Я тут покопался в старых свитках о народе суту... Оказывается, в эпоху Чжоу избранныкам нужно было лишь уколоть палец и капнуть кровью на бронзовый треножник, а потом сорок девять

дней молиться на алтаре. После этого они спокойно возвращались домой. Кто же знал, что спустя века священный обряд превратится в такую кровавую резню?

— Людская молва, — вздохнул Чу Фэй. — Чем дальше передаётся слух, тем страшнее он становится. Ладно, что уж теперь ворошить прошлое...

Он заложил руки за спину, но на мгновение замер.

— И всё же кое-какие нестыковки не дают мне покоя. В предсмертной записке Гао Юйянь призналась, что это она с помощью магии подчинила себе Чжоу Чжаотана и Ло Чуньчжи, заставив их похитить картину. Но кто обучил её этим тёмным искусствам? Лян Юй клялась, что купила ядовитых насекомых-гу у какого-то торговца из Мяоцзяна на чёрном рынке, но тот был простым дельцом, а не колдуном. Да и смерть Гао Юйянь... судя по всему, её просто поглотило собственное заклятие. И эти братья Лю... подонки, конечно, но их загадочная смерть в ту дождливую ночь, когда А-Лан оглушил тебя и бросил на алтарь... Я спрашивал Гао Ли и других, но те клянутся, что ничего не знают. Странно всё это.

Чу Фэй иногда мог казаться простоватым, но в нужные моменты его цепкий ум подмечал любую мелочь. Жун Жо внимательно выслушал его и спросил:

— Помнишь тот фамильный герб семьи Гао, который выпал из тетради наставника Чжао Чэня?

Чу Фэй кивнул.

— Неужели в этом значке кроется какая-то тайна?

Жун Жо едва заметно улыбнулся.

— И деревенские, и прежние власти почти ничего не знали о прошлом Гао Ли. Кто-то говорил, что они пришли из северных пустошей, кто-то — что из южных земель Линнаня. Никакой ясности. Думаю, наставник Чжао Чэня тоже задавался этим вопросом и начал тайное расследование, поэтому и сохранил герб. Я просмотрел множество книг по геральдике. У каждого рода свой знак, но герб в виде цветка ириса не встречается среди знатных домов Срединной равнины. Зато в Мяоцзяне это символ великого и древнего клана.

Опять Мяоцзян. Почему — в прошлой ли жизни или в этой — всё в конечном итоге сводится к этим проклятым землям?

— Великий клан? — Чу Фэй нахмурился. — Поясни.

— Фиолетовый ирис — это герб клана Великих Шаманов. В Мяоцзяне они считаются чуть ли не королевской кровью. Говорят, они рождаются с даром к магии. У них есть две ветви. Одна — чистокровные жрецы, возглавляемые Великой Шаманкой. Именно из этого рода выходят все

жрецы и колдуньи Мяоцзяна, и этот порядок незыблем. Вторая ветвь — это правящая династия, так называемые «смешанные шаманы». Их кровь не так чиста, и им строжайшим образом запрещено вступать в брак с чистокровной ветвью. Поэтому, когда говорят о Великом Клане Ириса, имеют в виду именно жрецов. У королей же на гербе изображена змея из пурпурного песка.

Чу Фэй слушал, открыв рот от удивления.

— Как всё запутано... То есть ты хочешь сказать, что семья Гао была из этих самых чистокровных жрецов?

Жун Жо посмотрел на солнечный свет, и его взгляд похолодел.

— Возможно. Это лишь догадка, основанная на гербе. Истину теперь вряд ли узнаешь.

— Постой, — встрепенулся Чу Фэй. — Ты сказал, что жрецам и королям нельзя вступать в брак. А если они нарушат запрет?

Жун Жо шагнул вперёд и горько усмехнулся.

— Тогда начинается война. Двенадцать лет назад Император-шаман влюбился в Великую Жрицу. У них родился ребёнок, и это перевернуло весь Мяоцзян вверх дном. Чистокровные шаманы потерпели поражение, а их защитники, по слухам, бежали, забрав с собой священную реликвию. С тех пор о них ничего не слышно.

— Реликвию? — Чу Фэй прищурился. — Какую ещё реликвию?

Жун Жо загадочно улыбнулся.

— Изумрудного Цилиня.

— Что?!

— Глава Чу! А-Жо! Вы чего тут стоите? — Внезапно появившийся Чжао Чэнь прервал их разговор. В руках он держал корзинку с едой и поминальные свечи.

— Ты собрался кого-то помянуть? — спросил Чу Фэй, оглядывая его ношу.

Чжао Чэнь так и сиял.

— Своего покойного наставника. Дело сестёр Гао наконец-то раскрыто, нужно сообщить

старику. Он ведь до последнего вздоха об этой небывальщине пёкся.

Чу Фэй переглянулся с Жун Жо.

— Давай мы с тобой сходим. Я тоже хочу засвидетельствовать почтение старому ловцу.

Поднявшись на середину склона горы Чуншань, Чу Фэй увидел вдали две злополучные постройки. Гнев мгновенно вспыхнул в его груди.

— Да какой же... какой же «добрый человек» додумался построить здесь эти храмы?

Чжао Чэнь, расставляя на могиле вино и закуски, весело отозвался:

— Добрый человек? Да вы что, Глава, не в курсе? Эти храмы построили на деньги Ли Фугуя и принца Цинь-вана. Говорят, странная была затея, но места вышли на редкость намоленные.

— Ли Фугуй! — Крик Чу Фэя эхом раскатился по горам, так что Чжао Чэнь от испуга выронил огниво.

— Глава, вы чего? — пролепетал он, глядя на побагровевшего начальника. — Не знали, что ли?

Чу Фэй тяжело дышал, пытаясь унять сердцебиение.

— Знал... конечно, знал. Просто забыл немного. Совсем вылетело из головы.

«Сволочи. Только Ли Фугуй и этот принц могли додуматься до такой низости», — бушевало у него в голове.

Жун Жо с любопытством взглянул на скрытый за алыми клёнами Храм Хунье Севера.

— Неужели и впрямь помогают? — усмехнулся он. — Может, и нам стоит зайти, попросить о чём-нибудь?

Чу Фэй чуть не задохнулся от возмущения.

— Кому там помогать? Понастроили черт знает чего... Молились бы лучше Будде или Гуаньинь, чем этим... идолам странным.

В одном из этих «странных идов» покоился он сам. От осознания этого хотелось либо смеяться, либо биться головой о ближайшую сосну.

Чжао Чэнь тем временем зажёл поминальную бумагу и забормотал:

— Наставник, дело о пропаже сестёр Гао раскрыто. Спите спокойно, ваш дух теперь свободен.

Чу Фэй подошёл ближе и плеснул в землю чарку вина.

— Старый учитель, это дело удалось закрыть только благодаря вашим записям. Вы сохранили каждую деталь. Я, Чу Фэй, кланяюсь вам.

Он взглянул на надгробие и замер. «Чу Уюань». Фамилия была той же, что и у его нынешнего тела.

— У твоего наставника были дети? — спросил он Чжао Чэня.

Тот отряхнул пыль с колен и вздохнул.

— Кто ж его знает. Он про себя почти не рассказывал. Но как-то раз, выпив лишнего, обмолвился, что в молодости любил одну воровку, за которой долго охотился. Когда узнал, кто она такая, им пришлось расстаться.

— И он её не арестовал?

— Видно, любовь оказалась сильнее долга. Это был единственный раз, когда он пошёл против закона. На закате лет он всё сокрушался о той любви. Она ведь пообещала ему больше не воровать и слово своё сдержала. Жаль только, что они так больше и не встретились до самой смерти.

— Ловец и преступница, — печально подытожил Чу Фэй. — Сама судьба была против них.

Чжао Чэнь собрал корзинку.

— Да, против судьбы не попрёшь. Ну что, раз уж пришли, зайдём в храмы? Говорят, желания там сбываются на раз-два.

Он буквально потащил Чу Фэя и Жун Жо к Храму У-ди Юга и Храму Хунье Севера. Когда они подошли к дверям последнего, Чу Фэй едва не лишился чувств.

— Зачем Ли Фугую и принцу понадобилось это строить? — прошипел он.

— Да принц же помешан на боевых искусствах! — затараторил Чжао Чэнь. — Он просто боготворит великого мастера Цзян Ехуна. Вот и решил увековечить его память.

Чу Фэй изо всех сил сдерживал желание выругаться вслух. «Боготворит он меня, как же! Взял и похоронил рядом с врагом, которого я в глаза не видел!»

Жун Жо с воодушевлением шагнул под своды храма. Чу Фэй схватил его за руку.

— Ты куда?

— Как куда? — удивился Жун Жо. — Поклониться Цзян Ехуну.

Чу Фэй побледнел. Поклониться кому? Да он прямо перед ним стоит!

— Всё это бабьи сказки, — проворчал он. — Ничего там не сбывается.

— Да какая разница? — отмахнулся Жун Жо. — Лишним не будет. Пойдём, старший брат Чу, за компанию.

Он всучил Чу Фэю в руки палочку благовоний. Тот почувствовал, что ещё немного — и он просто лопнет от ярости. Кланяться самому себе? Ставить себе свечки? Он мысленно проклял Ли Фугуя и весь род Цинь-вана до десятого колена.

Жун Жо отвесил три поклона и воткнул палочку в песок.

— Теперь ты, брат.

— Да, кланяюсь... — процедил Чу Фэй.

Он взглянул на собственную статую. Какой-то неумеха-скульптор изобразил его здоровенным детиной с окладистой бородкой и красным зонтом на плече. Лицо идола было выкрашено в багряный цвет — вылитый бог войны Гуань-гун, не меньше.

«Чтоб тебя... — проклинал он себя мысленно. — Сам себя теперь охранять должен. Если не поможешь мне, я приду сюда ночью и сожгу всё это к чертям собачьим».

В этот момент в храм, опираясь на руки служанок, вошла изнурённая, бледная женщина. Она тяжело опустилась на колени перед статуей и зарыдала:

— Великий мастер, молю, верни мне дочь! Прошу, пусть она вернётся домой живой! Я всё отдам, до последнего гроша, только спаси её!